

С. А. Максимов

ОСОБЕННОСТИ ПРОЧТЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ БЕСЕРМЯНСКИХ СЛОВ ИЗ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ XVIII–XIX ВВ.



Статья посвящена исследованию лексики письменных памятников, представленных Т. И. Тепляшиной в монографии «Язык бесермян». Привлечение подобного материала играет неопределимую роль при разработке нерешенных вопросов языкознания, а также происхождения носителей языка. Особую значимость письменные источники приобретают при исследовании бесермян, проблема этнической истории которых до сих пор остается дискуссионной. В результате рассмотрения трех письменных памятников было уточнено прочтение лексических единиц, для некоторых из них предложена иная трактовка их значений. В грамматике М. А. Мышкина (Могилына) большинство слов отличается достаточно точной записью, хотя в отдельных случаях семантика их переводов вызывает сомнение. Лексические единицы данной грамматики, аттестованные Т. И. Тепляшиной как бесермянские, были подвергнуты анализу на основе привлечения данных разных диалектов. Мы пришли к выводу, что они действительно могут (могли) принадлежать к словарному составу языка бесермян. Данные словарей П. М. Сорокина и Н. П. Штейнфельда имеют недостатки, поэтому в отдельных случаях требовалось приложить немало усилий для их точного прочтения. Несмотря на несовершенство записей в рассматриваемых документах, они представляют большую ценность для исследования лексики и фонетики языка бесермян. Такие татаризмы как: *бояк* ‘эта сторона’, *калап* ‘моток пряжи’, *терези* ‘прорубленное окошко’, *яктөлөк* ‘оконница’, в других удмуртских диалектах не зафиксированы и говорят об особом типе взаимодействия бесермянского наречия с тюркскими языками в прошлом. Исследуемые лексические единицы будут размещены в составляемом нами словаре бесермянского наречия.

Ключевые слова: удмуртский язык, бесермянское наречие, Т. И. Тепляшина, памятники письменности, грамматика М. А. Мышкина, словарь П. М. Сорокина, словарь Н. П. Штейнфельда, прочтение слов, особенности фонетики, лексические особенности, искажение семантики, татаризмы, тамга «полумесяц».

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-3-405-415

В истории удмуртского языкознания изучение памятников письменности нельзя отнести к приоритетным направлениям, однако Т. И. Тепляшина – один из выдающихся удмуртских лингвистов, отводила ему важную роль. Помимо отдельных статей, ею была опубликована книга «Памятники удмуртской письменности XVIII», включающая более 10 письменных документов разного объема и характера [Тепляшина 1965]. Этот труд, с одной стороны, сделал ранние языковые материалы доступными для использования в последующих исследованиях, а с другой, – заложил основу для дальнейшего изучения памятников письменности. В последние десятилетия наблюдается интенсификация исследовательской деятельности в данном направлении. Об этом, в частности, говорит изданная монография Л. М. Ившина «Становление и развитие графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века» [Ившин 2010], а также его статьи и работы других авторов, опубликованные в различных изданиях [Ившин 2016, 2018, 2020; Безенова 2020а, 2020б; Безенова, Иткин, Переверзева 2019; Безенова, Кондратьева 2019; и др.].

Памятники письменности играют неопределимую роль при разработке нерешенных вопросов разных отраслей языкознания: лексикографии, исторической лексикологии и этимологии, исторической фонетики и истории развития литературного языка, в каких-то случаях – истории самого народа – носителя языка. Важное значение для выполнения названных задач имеет не только поиск и введение в научный оборот новых материалов письменности, но и правильное прочтение записей слов, а также правильная интерпретация семантики приведенных переводов. Так, в Удмуртско-русском словаре 1983 г. можно найти такие слова как *годара* – диал. ‘гром’ [УРС 1983, 113], *готыр* – диал. ‘жена’ [С. 113], *саракум* – уст. ‘коми-зырянин’ [С. 383]. Первое из приведенных слов – это не что иное, как бесермянский вариант названия грома *гөдөрө* (*гь°дърь*), и в нормативных словарях удмуртского языка оно должно иметь форму *гыдыры*. Слово *саракум* заимствовано из словаря Ф. Видеманна (ср. *sarakum* [Wied., 524]), в который оно, по-видимому, по ошибке попало из мансийского словника, ср. манс. *kum* ‘мужчина, человек’. Первоначальный источник лексемы *готыр* нам не известен. Вполне воз-

можно, что оно зафиксировано как припевное слово северноудмуртских песен и по созвучию с к. *гӧтыр* переведено как ‘жена’. Между тем припевное слово *гӧдър* ~ *гыдыр* и его сокращенные варианты – *гӧд-гӧд* ~ *год-год* ~ *гот-гот* (< гь°д-) образованы от звукообразного слова *гӧдър-гӧдър*: *гӧдър-гӧдър* *вэрас'кӧнь* ‘(разг.) разговаривать по душам, вести непринужденно беседу, ворковать’.

Подобные недостатки можно найти и в других словарях, в частности, в Словаре биологических терминов удмуртского языка [Соколов, Туганаев 1994]. Например, в нем к названию рыбы голавль приведено 16 удмуртских соответствий [С. 73], при этом в отношении некоторых из них у нас существует сомнения по поводу их реального бытования в народных говорах. Так, вероятно, слово *акты*, – вариант названия *ыкты*, в котором широкий заднерядный звук ь первого слога передан через *а*. Название *шумйыр* (букв. ‘сажа + голова, колос’), приведенное в этом же ряду, является болезнью злаков (бот. *головня*) и не относится к названию голавля (ср. рег. *головня*).

В свете вышесказанного актуальность выбранной темы исследования не должна вызывать сомнения. Цель исследования – уточнить правильность прочтения бесермянских слов, извлеченных Т. И. Тепляшиной из письменных памятников и анализируемых ею в монографии «Язык бесермян».

Лексика рукописной грамматики М. А. Мышкина (М. Могилина)

В своей монографии Т. И. Тепляшина приводит словарный материал, извлеченный из рукописной Грамматики удмуртского языка Михаила Могилина (далее – Грамматика), изданной позднее, в 1998 г. под наименованием «Опыт краткой удмуртской грамматики» [Могилин 1998]. На основании тщательного изучения и анализа архивных материалов исследователь истории удмуртов В. С. Чураков [2016] убедительно доказал, что авторство Грамматики принадлежит М. А. Мышкину, а фамилия Могилин начала фигурировать в научных трудах из-за ошибочного прочтения фамилии автора рукописи. Рукопись была подготовлена в интервале между 1768–1780 гг. [Чураков 2016, 184, 189, 194].

В числе 17 лексических единиц в монографии представлены, в частности, следующие: *куйки* ‘печаль, скука’, *кӧерик* ‘судьба’, *янтлылык* ‘окончина’, *улов* ‘подвода’, *быяк* ‘стадо’ и др. (см. ниже). Автор монографии утверждает, что перечисленные слова известны бесермянам. В период написания Грамматики священником с. Укан М. Мышкиным (XIX в.) в Укане проживали не только удмурты и русские, но и бесермяне, благодаря чему в Грамматику проник и бесермянский языковой материал [Тепляшина 1970, 49].

Для более точного определения лексики, представленной Т. И. Тепляшиной как бесермянская, нами проводится анализ с привлечением данных из других диалектов и по возможности – с выявлением происхождения слова. Порядок подачи следующий: лексическая единица дана полужирным курсивом, рядом с ней в круглых скобках – наше прочтение слова в финно-угорской транскрипции, после чего стоит перевод. Далее следует материал из монографии «Язык бесермян» с указанием страницы в квадратных скобках. После вертикальной линии приводятся лексикографические и этимологические данные, затем – наш комментарий. Весь материал разбит на четыре группы, в зависимости от степени представленности в разных диалектных ареалах.

1). Слова, встречающиеся или ранее встречавшиеся в других удмуртских диалектах, в частности в среднечепецком.

Куй (*kuj*) ‘лопата’ (железная); *куй* (бес. Ук. – Т. Т.) ‘лопата’ (Мышк. 1780) [49]; *kuj* ‘железная лопата’ [116] | В конце XIX в. слово зафиксировано в большинстве основных удмуртских диалектов, в том числе в глазовском: *kort-kuj* ‘железная лопата’ [Wichm., 129]. Следовательно, запись исследуемой лексемы в конце XVIII в. могла быть осуществлена как от бесермян, так и от местных удмуртов.

Куйки (*kuiki*) ‘печаль’; горе; *куйки* (бес. Ук. – Т. Т.) ‘печаль, скука’ (Мышк. 1780) [49] | сч. *куйки* ‘горе, страдание’ [Карп. 276]; *куйки* ~ *куйкы* диал. ‘горе; печаль, скука, тоска’ [УРС 2008, 347]. Источником слова *куйкы* ‘горе, печаль, скорбь’ исследователи считают болгарский или чувашский язык: < булг., чув. *хуйхӓ* ~ *хойхӓ* [Тараканов 1993, 87]; удм. *куйкы* < чув. [Федотов 1996 II, 353]. Учитывая распространение слова только в северо-западных диалектах удмуртского языка и бесермянском наречии, источником его следует считать не болгарский, а чувашский язык. В данном случае – это язык чувашей, которые в исторических документах фиксируются на Чепце в XVI–XVII вв. [Максимов 2009, 108–109]. Слово могло быть записано как от бесермян, так и от местных удмуртов.

Куйкитем (*kuikitem*) ‘веселый, беспечный’; *куйкитем* (бес. Ук.– Т. Т.) ‘невеселый’ (‘веселый’. – С. М.), ‘беспечный’ (Мышк. 1780) [49] | Каритивный суффикс должен иметь форму *-тэм /-tem*,



поскольку в данной морфеме бесермянского наречия палатализация не происходит [Тепляшина 1970, 182].

Кузю (*kužo*) ‘купец’ | *kuz'o* ‘хозяин’ [66, 114]; *kuz'ojos* ‘хозяева’ [159] | сч. *куз'о* ‘хозяин, владелец’, сч. яр. ‘муж’, ‘голова, начальник’, ‘председатель колхоза’ [Карп., 275]; лит. *кузё* ‘хозяин, владелец’, ‘начальник, руководитель, старший’ [УРС 2008, 244]. Общеудмуртское слово, проникшее из языка болгар: чув. *хуса* ~ *хоса* ‘хозяин, владелец, содержатель’ [Тараканов 1993, 86]; удм. < тюрк., чув. *хуса* ~ *хоса* ‘хозяин, владелец; купец’ [Федотов 1996 II, 371]. Значение ‘купец’ в бесермянском наречии в целом выглядит как естественное расширение семы ‘хозяин’: купец – человек, занимающийся торговлей, обычно он хозяин лавки (магазина). Тем не менее можно также допустить возникновение значения ‘купец’ под влиянием языка чепецких чувашей.

Сеныс (*šepäs*) ‘вещевой мешок, сума’, ‘сумка’; *сеныс* (бес. Ук. – Т. Т.) сумка (Мышк.1780) [49]; *serøs* (*s'erøs*. – С. М.) ‘вещевой мешок’ [99] | лит. *сеныс* ‘кошелёк’, ‘корзина, сума, чемодан, мешок (кожаный)’ [УРС 2008, 593]. В конце XIX в. зафиксировано в большинстве удмуртских диалектов, в том числе в глазовском [Wichm., 231]. В настоящее время в северном наречии, по-видимому, вышло из употребления, но в грамматике М. Мышкина соответствующее слово могло представлять не только бесермянское наречие, но и современный ярский говор.

Сюмы (*šumä*) ‘плеш, лысина’ | сч. гл. *с'умъйо* ‘с белым пятном на лбу (о лошади, корове)’; лит. *сюмьё*: *сюмьё вал* ‘лошадь с белой звездочкой на лбу’ [УРС 2008, 628]. Слово *сюмы*, по-видимому, нигде не зафиксировано, кроме бесермянского наречия. Однако ныне распространено производное этого слова: *сюмьё*, среднечепецкий вариант которого функционирует без выпадения инлаутного гласного и ясно дает понять происхождение от основы *сюмы*. Данная основа в конце XVIII в. в среднечепецком диалекте вполне могла употребляться самостоятельно.

2). Слова, не встречающиеся в северном наречии, но встречающиеся /встречавшиеся в других удмуртских диалектах.

Кошкы (*koškä*) ‘коробица’; *кошкы* (бес. Ук. – Т. Т.) ‘коробица’ (Мышк.1780) [49] | малм., елаб. *koski*, уф. *koski*, малм. ‘чуман’, ‘короб из лубка’; уф. ‘чуман’, ‘короб’, елаб. ‘большой лоток для переноски зерна’, елаб. ‘сани; тележка’ [Wichm., 122–123]; лит. *коскы* ‘лубяной короб’, ‘лоток (для муки)’ [УРС 2008, 322]. Происхождение слова остается невыясненным, но в бесермянском наречии, по-видимому, является южноудмуртским наследием.

Сюмык (*šumäk*) ‘чашка’; *сюмык* (бес. Ук. – Т. Т.) ‘чашка’ (Мышк.1780) [49] | лит. ‘бокал, рюмка’, уст. рел. ‘жертвенный деревянный сосуд’, диал.: ‘чайная чашка, чашка с блюдцем’ [УРС 2008, 628]. Представляет собой исконную финно-пермскую или прауральскую лексическую единицу [UEW, 456, 781]. Финский ученый Ю. Вихманн данное слово зафиксировал на территории распространения современных среднезападных говоров и южного наречия [Wichm., 239]. Когда вышло из употребления в северном наречии, предположить трудно.

Батаман (*bataman*) ‘хозяин’; *батаман* (бес. Ук. – Т. Т.) ‘хозяин’ (Мышк.1780) [49] < рус. *ватман* ~ *ватáман* ‘хозяин, главный’ [СРНГ IV, 69–70]. Исходя из характерного для языка бесермян звукоперехода *в > б* в анлауте [об этом см.: Тепляшина 1970, 117], указанный вариант следует квалифицировать как бесермянскую лексическую единицу.

Калап (*kalap*) ‘мот, моток (пряжи)’; *калап* (бес. Ук. – Т. Т.) ‘моток (пряжи)’ (Мышк.1780) [49]; *kalap* ‘мот (пряжи)’ [65] | бес. уст. *калап* ‘моток шерсти’ [СлБес., 172] < тат. *каләп* ‘моток ниток в ткачестве, моток пряжи’ [Ахметьянов 2015 I, 392, 413]. В диалектах удмуртского языка, кроме бесермянского, по-видимому, не функционирует.

Кукли (*kukli*) ‘пирог’; *кукли* (бес. Ук. – Т. Т.) ‘пирог’ (Мышк.1780), ср. чув.: *кукли* ‘пирог’ [49]; тат. *кукел* ‘пирог’ [49–50] | У чувашского слова *кукль* ~ *кокль* ‘пирог’ исследователи находят следующие параллели: мар. *когыль* ~ *кагыль*, удм. *кукли*; также имеются соответствия в прибалтийско-финских языках [Федотов 1996 I, 303]. В отношении бесермянского слова *кукли* следует сказать, что оно заимствовано из языка чепецких чувашей. В татарский язык название этого кулинарного изделия могло попасть как из бесермянского, так и непосредственно из чувашского.

Таразы (*tarazä*) ‘весы’; *таразы* (бес. Ук. – Т. Т.) ‘весы’ (Мышк.1780) [49]; *tarazø* ‘весы’ [108] | *Таразикизили* ‘Орион (созвездие)’ [УРС 2008, 636] < тат. *таразы* ‘уровень’, весы, безмен’, ‘созвездие весов’ [Ахметьянов 2015 II, 215]. Автор не приводит бесермянское соответствие. В значении ‘весы’ в других удмуртских диалектах, по-видимому, оно не зафиксировано.

Терези (*t'erezi*) 'прорубленное окошко (на кухне, в хлеву или бане)', 'волоковое окно'; *терези* 'окно' (бес. Ук. – Т. Т.), 'окно' (Мышк.1780) [49]; *t'erezi* 'прорубленное окно' [76, 102] | Заимствовано из татарского, ср.: *тәрәзә* 'окно' < *тэрэзэ* [Ахметьянов 2015 II, 246–247].

Улов (*ulov*) 'подвода', 'улов' (бес. Ук. – Т. Т.) (Мышк.1786) [49] | *улов* 'подвода' [УРС 2008, 692]. Аналог слова записан лишь в одном из закамских говоров. По мнению И. В. Тараканова, заимствовано из болгарского: бт. уст. *улоу*: *улоу нудис* 'конный курьер' < чув. *алāv* (*ālav* ~ *лав*. – С. М.), тат. *олау* 'обоз, подвоз, воз' [Тараканов 1993, 134]. По нашему мнению, речь здесь нужно вести о татарском источнике. Исследуемое слово в Грамматике следует однозначно рассматривать как бесермянскую лексическую единицу.

4). Слова, зафиксированные только в грамматике М. Мышкина (Могилина).

Быяк (*bĭjak*) 'эта сторона', (?) 'стадо'; *быяк* (бес. Ук. – Т. Т.) 'стадо' (Мышк.1780) [49] | < тат. *бу як* 'эта сторона'. При фиксации слова, возможно, был задан вопрос о том, как называется стадо на местном языке, с указанием на животных поодаль, а затем вблизи. Вопрос был понят неправильно, а ответ был дан, видимо, на более «популярном», с точки зрения информанта, татарском.

Къерик (*k'erik*) 'свобода действий'; (?) 'судьба'; *къерик* (бес. Ук.– Т. Т.) 'судьба' (Мышк.1780) [49] | *эрикъ*, *къерикъ* 'воля и строкъ', *судба* [Могилин 1998, 49]. Как видим, в Грамматике перед рассматриваемым словом стоит слово *эрикъ* 'свобода', что позволяет вычленить аналогичный компонент в форме *къерикъ*. Начальный фрагмент в этом случае – это *ки* 'рука, руки'. Следовательно, значение слова *къерик* ~ *кизрик* 'свобода рук', иначе говоря, 'свобода действий' было осмыслено как 'свобода, воля', 'срок' – время, период действия свободы (действий), отсюда 'судьба' – то, что человек творит своими руками (в течение этого срока). Татарское заимствование *эрик* [Тараканов 1993, 157] в среднечепецком диалекте можно встретить лишь в устойчивых выражениях в речи самого старшего поколения, тогда как в бесермянском наречии оно (*йэрик* ~ *эрък*) известно и в обычной функции.

Яктылык (*jaktĭlĭk*) 'оконница'; *яктылык* (бес. Ук. – Т. Т.) 'окончина' (*н = к*: *яктылык* 'оконница, оконная рама'. – С. М.) (Мышк.1780) [49] | < тат.: *яктылык* 'свет, освещение, просвет'.

Проведенный выше анализ позволяет говорить о том, что практически все лексические единицы, выписанные из грамматики М. А. Мышкина, действительно могут относиться к бесермянскому наречию. Значительный интерес, с нашей точки зрения, представляют третья и четвертая группы слов, большинство из которых характерны только для языка бесермян, при этом впервые зафиксированы именно в Грамматике. Уникальность данных слов состоит еще и в том, что почти все они являются татарскими заимствованиями, соответствия которым не обнаружены даже в периферийно-южном диалекте (исключение: *улов*).

Слова первой группы М. Мышкин мог записать как от бесермян, так и от удмуртов, при этом было бы неправильно утверждать, что такие слова, как *куйки*, *куйкитэм*, *кузю* и др. не могут быть достоянием бесермянского наречия. Лексемы *сепыс*, *сюмы*, *сюмык* также могли быть зафиксированы в бесермянской речи, хотя систематическое написание бесермянского заднерядного и открытого звука *ъ* (*ə*) через графему *ы* не вполне ожидаемо, когда осуществляется нелингвистом и не носителем языка. Однако анализ графики, приведенный в Грамматике [см.: Ившин 2010, 74–79], позволяет выявить её выгодные отличия от некоторых других памятников XVIII и даже XIX в. Вероятно, М. А. Мышкин не только имел относительно хорошее представление о произношении удмуртских и бесермянских слов, но в какой-то степени мог изъясняться на языке населения своего прихода. Тем не менее правильность фиксации слов *быяк* и *къерик* вызывает у нас сомнения.

Лексика рукописного словаря «Материалы для сравнительного словаря зюздинского пермяцкого и глазовского вотского наречий и бесермянского говора»

В результате тщательного изучения и сличения различных рукописей Кировского архива Т. И. Тепляшина [1970, 50] пришла к выводу, что автор рукописи – статистик Вятского края конца XIX в. П. М. Сорокин. Он участвовал в составлении подворных описей ряда уездов Вятской губернии в 1890–1893 гг. и имел возможность изучать быт и язык местных народов [Тепляшина 1970, 50; Чураков 2014, 156]. С указанным периодом можно соотнести время создания «Материалов...»; более точно – 1993–1994 гг. [Ившин 2020, 185]. Постоянные разъезды по служебным делам, не оставляли П. М. Сорокину времени для систематизации и описания собираемого им археологического, этнографического, лингвистического и др. материалов. Однако вместе с тем на данный момент выявлено



около десятка его рукописей [Чураков 2014, 155 160–161]. Это говорит о том, что исследуемый словарь, скорее всего, был систематизирован и завершён лишь в самом конце его жизни – 1994–1995 гг.

Русский словарь Сравнительного словаря, по подсчётам Л. М. Ившина, насчитывает 1642 лексических единиц, из которых 810 имеет бесермянское соответствие [Ившин 2020, 184–185]. Систему передачи бесермянских звуков, а также фонетические особенности бесермянских слов рассмотрены Т. И. Тепляшиной в монографии «Язык бесермян» [Тепляшина 1970, 51–55]. Более подробная характеристика данного словаря с анализом графических и языковых особенностей осуществлена Л. М. Ившиным [Ившин 2020]. Ниже остановимся на рассмотрении отдельных лексических единиц, запись которых ошибочна.

К числу слов, в которых имеются описки, Т. И. Тепляшина [1970, 54] отнесла следующие лексические единицы: *пизь черна* вм. *пис чурка* ‘полено’, *перьхоно* вм. *перчоно* ‘развязать’, *кограз* вм. *пограз* ‘свалился’, *цатин* вм. *чикын* ‘давеча’, *откалтоно* вм. *ышкалтоно* ‘вырвать’ (и др.). Поскольку значения слов зафиксированы точно, для человека, владеющего удмуртским языком, не составит особого труда восстановить правильный облик приведенных слов. Искажения могли произойти как при фиксации слов от носителей языка (*пизь черна*, *цатин*), так и при последующем их переписывании (*перьхоно*, *кограз*, *откалтоно*). Следует отметить, что при скорописи, в частности, легко приобретают одинаковые очертания буквы *n* и *k*, *ш* и *т*. Особенности бесермянского произношения также внесли свою лепту в сложность восприятия звуков: открытый заднерядный звук *ø* перед альвеолярным *ш*, возможно, приобрел призвук огубленности ($\text{ʔ}^{\circ}/\text{ʔ}^{\circ}$) и на слух ассоциировался больше с гласным *o*, чем с *ы*. Форма *цатин* производит впечатление записи слова по памяти: следовало бы ожидать форму *чикан* ~ *цикан*, ср. бес. *чикән*.

В отношении некоторых слов, а именно: *паясь* ‘колодец’, *самкомо* ‘заржаветь’, *туэтоно* ‘рассказывать’, *калатыны* ‘благословить’, *эсси карыны* ‘замечать’, *тонер* ‘ров’, *том* ‘сад’, *ушман* ‘резать’, *солодина* ‘складчина’, *ял* ‘ребенок’, *кылья* ‘гвоздь’, *алтоно* ‘возить’ – автор монографии отмечает, что их написание совершенно непонятно. Она предполагает, что они искажены переписчиками или записаны неточно самим автором словаря при окончательном оформлении рукописи [Тепляшина 1970, 54]. Приведенные слова требуют отдельного тщательного анализа и по возможности правильного прочтения. Рассмотрим их в том порядке, в каком они приведены выше.

Паясь ‘колодец’. Начальная буква перепутана: *n* = *k*. Гласный средне-заднего ряда средне-нижнего подъема ʔ передан через *a* и *я*. В конечном буквосочетании угадывается формант исходного падежа *-ьс’*. Наше прочтение слова: **кыйъьс’* ‘из колодца’, ср. бес. *көйө (кыйъ)* ‘колодец’.

Самкомо ‘заржаветь’. Буквой *a* передан звук ʔ , первую букву *m* следует читать как *л*: **сьлкомо* ‘ржавеют’, ср. бес. *сөлкомөнө ~ сөлөмөнө* ‘ржавеет, заржаветь’ [СлБес., 381].

Туэтоно ‘рассказывать’. Неправильно распознана первая буква: *t* = *ш*. Наше прочтение: **шуэтоно* ‘(надо) заставить, принудить сказать’ – понудительный глагол от *шуънь* ‘говорить, сказать’. Привычную форму инфинитива на *-(ы)ны*, утвердившуюся как базовая лексикографическая форма в словарях, старшее поколение удмуртов (бесермян) в разговорной речи как правило отдельно не употребляет, используя только как зависимый компонент финитных глаголов или других частей речи. В данном случае в качестве соответствия русского инфинитива приведена словоформа на *-(о)но*. Нет необходимости предполагать, что буквой *o* передан специфический бесермянский звук ʔ (ʔ).

Калатыны ‘благословить’. Гласный ʔ в двух первых случаях передан через *a*: **кълътънь* ‘заставить услышать’ – понудительный глагол от *кълънь* ‘слышать, услышать’.

Эсси карыны ‘замечать’: **эскэрънь* ‘следить, наблюдать’.

Тонер ‘ров’. Неправильно распознана первая буква: *t* = *ш* – **шон’эр* ‘ровный; прямой’. Неточное значение слова зафиксировано вследствие того, что информант, по-видимому, перепутал русские слова *ров* и *ровный*.

Том ‘сад’. Наше прочтение: **тъм* ‘плетень, изгородь (из вертикальных сплетённых веток)’; ср. бес. *тәм* ‘плетень’ [СлБес., 420], сч. *тъм* ~ *тым* ~ *тын* ‘плетень, плетеный забор’ [Карп., 492] < рус. *тын*.

Ушман ‘резать’. Пропущена начальная буква *k*; слово не является глаголом. Наше прочтение: **кушман* ‘редька, свёкла’. Вероятно, вопрос был задан в отношении глагола *резать*, а действие показано на примере резания овощи (редьки или свеклы).

Солодина ‘складчина’. Сильно искаженная запись бесермянского словосочетания **соль^o г^ʔнэ* ‘ему только’.

Ял ‘ребенок’. Пропущен начальный слог: **пин'ал* (*пинял*) ‘ребенок’, ср. бес. *пинял* ‘ребенок’ [СлБес., 347].

Кылья ‘гвоздь’. В данном случае глагол переведен существительным. Полагаем, что речь должна идти о словоформе **къл'а* ‘расшаталось, разохлось’ (напр. о ножках стула или стола – гвоздь плохо держит) < *къл'ань* ‘расшататься, разохнуться’.

алтоно ‘возить’. Пропущена начальная буква: **калтоно* ‘(надо) убрать’, ср. бес. *калтөнө* ‘убирать, убрать’ [СлБес., 173].

Помимо слов с характерными для бесермянской речи фонетическими особенностями, Т. И. Тепляшина [1970, 55] приводит несколько чисто лексических «бесермянизмов», зафиксированных П. М. Сорокиным впервые: *бабача* ‘двоюродный брат’, *биэм биөт* ‘свекровь’, *палтулыс* ‘полумесяц’, *наяны* ‘смотреть’, *тылкыш* ‘вихрь’, *косинь koss'in* ‘родимое пятно’, *варзоно warž'əno* ‘распорядиться’, *атьяно* ‘расхвалить’, *санал* ‘ружье’ и др.

Прокомментируем приведенные слова.

Бабача ‘двоюродный брат’. Полагаем, что значение зафиксировано неверно, ср. тат. диал. *Бабача* ‘дедушка, старик, форма обращения к мужчине страше отца’ [Тат Диал., 62].

Палтулыс ‘полумесяц’: *пал-толэз* ‘полумесяц’ (*тамга бесермян с изображением полумесяца*).

Наяны ‘смотреть’. Аналог слова *наянө* обнаружен только в некоторых закамских говорах, например, в татышлинском: *найалтънь* ‘заметить, увидеть’ < рус. рег. ‘найти, увидеть’, ‘оказать внимание кому-л., проявить заботу о ком-л.’ [СРНГ XIX, 301].

Тылкыш ‘вихрь’. Данное слово у бесермян почти в то же время (1892 г.) засвидетельствовал финский ученый Ю. Вихманн, ср. *těl-keš* ‘вихрь’ [Wichm., 103]. < удм. *төл* ‘ветер’ + *кыч* ‘круг’.

Варзоно warž'əno ‘распорядиться’. Мы склонны читать данное слово как *варзоно* (*varžono*) – с обычным *в*, а не с *ў* в анлауте; для сравнения: бес. *varal'i* ‘говорун, болтун’ [Тепляшина 1970, 74].

Атьяно ‘расхвалить’. Начальный открытый гласный *ь* передан через *а*, вместо возможной альтернативы *ы*; перепутана вторая буква – *т* = *ш*: **ъийано* ‘(надо) хвалить, похвалить’, лит. *ушьяны*.

Санал ‘ружье’. Старшим поколением употреблялось также в среднечепецком диалекте: сч. *санал* < рус. *самопал*.

Лексика сравнительного словаря Н. П. Штейнфельда

В этнографическом исследовании бесермян сотрудник Вятского статистического комитета, губернский секретарь Н. П. Штейнфельд [1894] привел более ста бесермянских слов (по нашим подсчетам – 117), записанных им во время специальной поездки в с. Ежово Глазовского уезда для изучения бесермянской этнической группы [Попова 1998, 7]. Данный словарик составлен в три столбца. В первом даны русские слова в алфавитном порядке, во втором – бесермянские слова, в третьем – соответствия из других языков: удмуртского, чувашского, татарского, коми-зырянского [Штейнфельд 1894, 250–253; Тепляшина 1970, 40]. Словарик создает впечатление, что в первом столбце – переводы и толкования бесермянских слов.

Исследователь языка бесермян отмечает, что приемы письма Н. П. Штейнфельда крайне запутанны и затрудняют чтение записанных слов, а своеобразный гласный *ө* автор передает самыми различными буквами [Тепляшина 1970, 40]. С нашей точки зрения, путаность в записях бесермянских слов – это в первую очередь отражение особенностей произношения. Например, в фиксации слов: *годара* (*gød'ri*. – Т. Т. *гъ'д'рь*. – С. М.) ‘гром’, *корзянэ* (*kərž'anə*. – Т. Т. *кь'р'зань*. – С. М.) ‘песни петь’, *кок* (*kək*. – Т. Т. *кь'к*. – С. М.) ‘два’ [Там же] – звук, квалифицируемый как гласный среднезаднего ряда средне-нижнего подъема в окружении задненебных смычных *к* и *г* передан через *о*. Следовательно, названные согласные придают гласному определенную степень огубленности, в результате «небесермянское ухо» определяет этот звук как огубленный *о*. Открытый аллофон описываемого гласного позволяет сближать его с *а*, а более закрытый с – *э* или *ы*. Передача специфического гласного *ө* (*ь/ə*) и других звуков в данном и других письменных памятниках должна быть предметом специального исследования, при этом не только с точки зрения графики, но и фонетики и фонологии. Ниже рассмотрим отдельные слова, на ошибочную запись которых указала Т. И. Тепляшина [1970, 41]. В квадратных скобках указаны номера страниц монографии «Язык бесермян».

Кайсну ‘береза’. Наше прочтение: **кьс'ну*, ср. бес. *кызыну* береза [53], *kəz'pi* береза [69, 114]. Графемой *й* обозначена палатальность *с* – *с(й)*.



Кинез ‘амбар’. Наше прочтение: *кэнэс, ср. бес. *кенес* ‘амбар’ [Вахр.1959, 241]; бес. *кенэс* /*kenes*/ ‘амбар’ [Сл Бес., 205]. Буквой *и* передан узкий гласный э (е) первого слога; буква *з* в конце слова, скорее всего, – результат влияния русской орфографии: обозначение буквой *з* звонкого звука *з*, который в абсолютном конце слова может оглушаться до *с*.

Киримет ‘леший’. Наше прочтение: *кэрэмэт' ~ *кэрэмэт' ‘дух зла, злое божество’, ср.: *кереметь* общественная молельная роща’ [Попова 2004, 14]; лит. *керемет* ‘кереметь (дух зла, злое божество)’, ‘священная роща, жертвенное место’ [УРС 2008, 294]. Как и в предыдущем случае, буква *и* отражает узкий гласный э первого и второго слогов, а буква *е* – широкий э последнего слога. В абсолютном конце слова, возможно, произносился велярный согласный, однако, судя по другим источникам, он мог быть и палатальным.

Луткезь ‘заяц’. Наше прочтение: *луткэс', ср. бес. *ludkes'* ‘заяц-русак’ [126]. Вместо ожидаемого конечного сочетания *с(ь)*, как и в случае с *кинез*, фигурирует буква *з*.

Заключение

В ходе исследования трех письменных памятников было уточнено прочтение лексических единиц, предложена иная трактовка значения некоторых из них. В грамматике Мышкина (Могилина) наблюдается достаточно высокая точность записи большинства слов, хотя в отдельных случаях вызывает сомнение их семантика (переводы), например, слово *быяк* ‘стадо’ мы интерпретировали как ‘эта сторона’, ориентируясь на татарский язык (ср. тат. *бу як* ‘эта сторона’), а слово *кьерик* ‘судьба’, мы склонны трактовать как *киэрик* ‘свобода действий’ (< *ки* ‘рука, руки’ + *эрик* ‘свобода’). Все лексические единицы грамматики Мышкина, представленные Т. И. Тепляшиной как бесермянские, были проанализированы нами с привлечением данных разных диалектов. В результате анализа мы пришли к выводу, что они действительно могут (могли) принадлежать к лексическому составу языка бесермян, хотя определенная доля рассмотренных слов имеет соответствия в южном или в северном наречии.

Для «дешифровки» записей других документов в отдельных случаях пришлось приложить немало усилий. К таковым можно отнести следующие записи слов: *ушман* ‘резать’ (наше прочтение: *кушман* ‘редька; свёкла’), *паясь* ‘колодец’ (*көйөөс / кыйъэс* ‘из колодца’), *калатыны* ‘благословить’ (*көлөтөнө / кълътънь* ‘заставить услышать’), *солодина* ‘складчина’ (*солө гөнэ / соль° гънэ* ‘ему только’), *самкомо* ‘заржаветь’ (*сөлкомо / сълкомо* ‘ржавеют’), *тонер* ‘ров’ (*шонер* ‘ровный, прямой’), *том* ‘сад’ (*төм / ть°м* ‘плетень, изгородь’) и др.

При всех недостатках записей рассматриваемых документов, они представляют большую ценность для исследования лексики и фонетики языка бесермян. Такие татаризмы, как: *бөяк* ‘эта сторона’, *калап* ‘моток (пряжи)’, *терези* ‘прорубленное окошко (напр. в хлеву)’, *яктөлөк* ‘оконница’, чувашизм *кукли* ‘пирог’ – в других удмуртских диалектах не зафиксированы и говорят об особом типе взаимодействия бесермянского наречия с тюркскими языками в прошлом. Название тамги бесермян *палтолэзь* ‘полумесяц’ может быть свидетельством их бывшего мусульманского вероисповедания (см. об этом напр.: Касимов 2019: 45). Часть материала анализируемых письменных источников обогатит лексику удмуртского литературного языка. Исследуемые лексические единицы найдут достойное место в составляемом нами словаре бесермянского наречия [см.: Максимов 2020].

СОКРАЩЕНИЯ

Языков и диалектов:

бес. – бесермянское наречие;

булг. – болгарский язык;

бт. – буйско-ганьпский говор;

гл. – глазовский говор (сев.);

елаб. – елабужский диалект (совр. южный диалект);

к. – коми язык;

малм. – малмыжский диалект (совр. среднезападные говоры);

манс. – мансийский язык;

мар. – марийский язык;

рус. – русский язык;

сев. – северное наречие;

сч. – среднечепецкий диалект (сев.);

тат. – татарский язык;



удм. – удмуртский язык;
Ук. – говор бесермян с. Укан (совр. Ярский р-н, Удмуртия);
уф. – уфимский диалект (совр. буйско-таныпский говор);
чув. – чувашский язык;
яр. – ярский говор.

Прочие сокращения: букв. – буквально, буквальный перевод; бот. – ботанический термин; диал. – диалект, диалектное; вм. – вместо; лит. – литературный язык; Мышк.1780 – Материалы из Грамматики М. А. Мышкина (Могилина), цитируется по: [Тепляшина 1970]; разг. – разговорное; рег. – региональные говоры; совр. – современный, современное; УИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы; уст. – устарелое.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметьянов – Әхмәтъянов Р. Г.* Татар теленен этимологик сүзлеге: Ике томда (= Этимологический словарь татарского языка: В двух томах) . Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. – Т. I (А–Л). – 543 с.; Т. II (М–Я). 567 с.
- Безенова М. П.* К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: именная морфология // Урало-алтайские исследования. 2020а. № 1 (36). С. 53–70.
- Безенова М. П.* К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: глагольная морфология // Урало-алтайские исследования. 2020б. № 3 (38). С. 19–32.
- Безенова М. П.* Еще раз об отражении йотированных гласных в удмуртском памятнике «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» // Урало-алтайские исследования. 2019. № 4 (35). С. 7–17.
- Безенова М. П.* К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: графика, орфография, фонетика // Урало-алтайские исследования, 2019. № 3 (34). С. 7–52.
- Вахрушев В. М.* Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка // Записки Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. УАССР. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. Вып. 19. С. 228–241.
- Ившин Л. М.* Становление и развитие графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века. Екатеринбург–Ижевск: УрО РАН, 2010. 236 с.
- Ившин Л. М.* О рукописи «Материалы для сравнительного словаря...» // Ежегодник Финно-угорских исследований. 2016. Т. 10, вып. 3. С. 184–190.
- Ившин Л. М.* Дублетные написания в удмуртских переводах конца XIX в. // Вестник Воронежского университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 157–160.
- Ившин Л. М.* К истории удмуртской графики: обозначение звука ö в памятниках ранней удмуртской письменности // Linguistica Uralica. 2020. Т. 56, вып. 2. С. 125–132.
- Карпова Л. Л.* Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект / Л. Л. Карпова. Ижевск, 2013. 600 с.
- Касимов Р.Н.* О взаимовлиянии татарской мусульманской культуры и элементов обрядовой практики бесермян и марийцев в Удмуртии // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2019. № 1 (6). С. 44–48.
- Максимов С. А.* Комментарий к карте «Капуста» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Г. В. Отставнова. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. Вып. I. С. 105–110.
- Максимов С. А.* О перспективах создания словаря бесермянского наречия удмуртского языка (по материалам Т. И. Тепляшиной) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. Т. 30. вып. 2. С. 197–203.
- Могилин [Мышкин] М.* Краткой отяцкия грамматики опыт = Опыт краткой удмуртской грамматики /М. Могилин [Мышкин]. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 201, [2] с.: факс. (Памятники культуры Удмуртии. Лингвистическое наследие).
- Норманская Ю. В.* О важности первых миссионерских книг для изучения истории удмуртского языка. Дискуссионная заметка к статье В. В. Понарядова «О двойных огласовках удмуртских суффиксов» // Урало-алтайские исследования, 2018. № 1 (28). С. 79–89.
- Попова Е. В.* Семейные обычаи и обряды бесермян (конец XIX–90-е годы XX вв.): монография. –Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 241 с.
- Попова Е. В.* Календарные обряды бесермян. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 253 с.
- Сл.Бес. – Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка / ред.-сост.: А. И. Кузнецова, Н. В. Сердобольская, М. Н. Усачева, О. Л. Бирюк, Р. И. Идрисов. М.: ТЕЗАУРУС, 2013. 540 с.
- Биологической нимкыльёсын кылбугор = Словарь биологических терминов / под общ. ред. С. В. Соколова. Ижевск: Удмуртия, 1994. 144 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. IV: В–Военки. Л.: Наука, 1969. – 356 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. XIX: Мутаситья–Накучить. Л.: Наука, 1983. – 360 с.



- Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. – 170 с.
- ТатДиал. – Татар теленең диалектологик сүзлеге (= Диалектологический словарь татарского языка). Казань: Тат. кн. изд-во, 1969. 643 с.
- Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века. М., 1965. Вып. I. 324 с.
- Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. –288 с.
- УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 35 000 слов. НИИ при Сов. Мин. УАССР. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.
- УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / сост. Т. Р. Душенкова А. В. Егоров, Л. М. Ившин [и др.]; отв. ред. Л. Е. Кириллова; РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 2008. 925 с.
- Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т.Т. 1 (А–Р) / М. Р. Федотов. Чебоксары, 1996. 470 с.
- Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т.Т. 2 (С–Я) / М. Р. Федотов. Чебоксары, 1996. –509 с.
- Чураков В. В. Пётр Матвеевич Сорокин – исследователь родовой организации удмуртов // Иднакар. 2014. № 2 (18). С. 153–162.
- Чураков В. С. Авторство, датировка и история рукописи «Краткой отяцкой грамматики опыт» // Ежегодник Финно-угорских исследований. 2016. Т. 10, вып. 3. С. 184–196.
- Штейнфельд Н. П. Бесермяне. Опыт этнографического исследования // Календарь и Памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Вятка, 1894. С. 220–259.
- Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I–III. Budapest, 1986–1991.
- Wichm. – Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987. XXIII + 422 S.
- Wiedemann F. J. Syrjänisch-Deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen und mit einem deutschen Register. St. Petersburg, 1880. 692 s.

Поступила в редакцию 07.04.2022

Максимов Сергей Анатольевич,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук»,
426067 г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, 34

S. A. Maksimov

FEATURES IN READING OF SOME BESERMYAN WORDS FROM WRITTEN SOURCES OF THE 18TH – 19TH CENTURIES

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-3-405-415

This work is devoted to the study of the vocabulary of written monuments presented in the monograph “Language of Besermyans” by T. I. Teplyashina. The use of such material plays an invaluable role in the development of unresolved issues of linguistics, as well as the origin of native speakers. Written sources are especially significant in the study of Besermyans, whose ethnic history is still a controversial issue. As a result of the analysis of three written monuments, the reading of lexical units was clarified, a different meaning was proposed for some of them. Most of the words in the grammar of M. A. Myshkin (Mogilin) are written down quite accurately, although in some cases their semantics (translations) are questionable. The lexical units of this grammar, defined by T. I. Teplyashina as Besermyan, were analyzed based on the use of data from different dialects. As a result, we came to the conclusion that they really can (could) belong to the vocabulary of the Besermyan language. The entries in the dictionaries of P. M. Sorokin and N. P. Steinfeld are not perfect, so in some cases it took a lot of effort to read them accurately. Despite the imperfection of the records in the documents under consideration, they are of great value for the study of the vocabulary and phonetics of the Besermyan language. Such Tatar loan words as *bâjak* ‘this side’, *kalap* ‘skein of yarn’, *t'erezi* ‘cut window’, *jaktâlâk* ‘window frame’ are not recorded in other Udmurt dialects, and this speaks of a special type of interaction between the Besermyan dialect and the Turkic languages in the past. The studied lexical units will be placed in the dictionary of the Besermyan dialect we are compiling.

Keywords: Udmurt language, Besermyan dialect, T. I. Teplyashina, written sources, M. A. Myshkin’s grammar, P. M. Sorokin’s dictionary, N. P. Steinfeld’s dictionary, reading of words, features of phonetics, lexical features, distortion of semantics, Tatar loan words, patrimonial sign “crescent”.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 3, pp. 405–415. In Russian.

REFERENCES

- Akhmet'yanov R. G.** *Tatar teleneş etimologik syzlege: Ike tomda (= Etimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka: v dvukh tomakh)* [Etymological Dictionary of the Tatar Language: in two volumes]. Kazan, Məgarif – Vakyt Publ., 2015. Vol. I (A–L). 543 p.; Vol. II (M–Ya). 567p. In Tatar.
- Bezenova M. P.** K osobennostyam perevoda «Zakona Bozhiya» (1912 g.) na udmurtskii yazyk: imennaya morfologiya [To the features of the translation of the “Law of God” (1912) into the Udmurt language: nominal morphology]. *Uralo-altaiskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies], 2020a, no. 1 (36), pp. 53–70. In Russian.
- Bezenova M. P.** K osobennostyam perevoda «Zakona Bozhiya» (1912 g.) na udmurtskii yazyk: imennaya morfologiya [To the features of the translation of the “Law of God” (1912) into the Udmurt language: verb morphology]. *Uralo-altaiskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies], 2020b, no. 3 (38), pp. 19–32. In Russian.
- Bezenova M. P., Itkin I. B., Pereverzeva S. I.** Eshche raz ob otrazhenii iotirovannykh glasnnykh v udmurtskom pamyatnike «Nastavlenie khristianskoe svyatitelya Tikhona na votskom yazyke» [Once again about the reflection of the iotated vowels in the Udmurt monument “Christian Instruction of St. Tikhon in the Votyak language”]. *Uralo-altaiskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies], 2019, no. 4 (35), pp. 7–17. In Russian.
- Bezenova M. P., Kondrat'eva N. V.** K osobennostyam perevoda «Zakona Bozhiya» (1912 g.) na udmurtskii yazyk: grafika, orfografiya, fonetika [To the features of the translation of the “Law of God” (1912) into the Udmurt language: graphics, spelling, phonetics]. *Uralo-altaiskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies], 2019, no. 3 (34), pp. 7–52. In Russian.
- Vakhr.1959 –Vakhrushev V. M.** Ob osobennostyakh govorov severnogo dialekta udmurtskogo yazyka [On the peculiarities of subdialects of the northern dialect of the Udmurt language] // *Zapiski / Udmurtskii NII ist., ekon., lit. i yazyka pri Sov. Min. Udm. ASSR. Izhevsk, Udm. kn. izd-vo Publ.*, 1959, vol. 19. Pp. 228–238. In Russian.
- Ivshin L. M.** *Stanovlenie i razvitie grafiki i orfografii v XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Formation and development of graphics and spelling in the 18th – first half of the 20th century]. Ekaterinburg–Izhevsk: UrO RAN Publ., 2010. 236 p. In Russian.
- Ivshin L. M.** O rukopisi «Materialy dlya sravnitel'nogo slovarya...» [About the manuscript “Materials for a Comparative Dictionary ...”]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2016, vol. 10, issue 3, pp. 184–190. In Russian.
- Ivshin L. M.** Dubletnye napisaniya v udmurtskikh perevodakh kontsa XIX v. [Doublet spellings in Udmurt translations of the late 19th century]. *Vestnik Voronezhskogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Voronezh University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2018, no. 2, pp. 157–160. In Russian.
- Ivshin L. M.** K istorii udmurtskoi grafiki: oboznachenie zvuka *ö* v pamyatnikakh rannei udmurtskoi pis'mennosti [On the history of Udmurt graphics: the designation of the sound *ö* in the monuments of early Udmurt writing]. *Linguistica Uralica*, 2020, vol. 56, issue.2, pp. 125–132. In Russian.
- Karpova L. L.** *Leksika severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: Srednechepetskii dialect* [Vocabulary of the northern dialect of the Udmurt language: the Middle Chepetsa dialect]. Izhevsk, 2013. 600 p.
- Kasimov R. N.** O vzaimovliyaniy tatarskoi musul'manskoi kul'tury i elementov obryadovoi praktiki besermyan i mariitsev v Udmurtii [On the mutual influence of the Tatar Muslim culture and elements of the ritual practice of the Besermyan and Mari in Udmurtia]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya* [Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region], 2019, no. 1 (6), pp. 44–48. In Russian.
- Maksimov S. A.** Kommentarii k karte «Kapusta» [Comment on the map «Cabbage»]. *Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka. Karty i kommentarii. Vyp. I* [Dialectological atlas of the Udmurt language: Maps and comments. Issue I] / R. Sh. Nasibullin, S. A. Maksimov, V. G. Semenov, G. V. Otstavnova. Izhevsk, 2009, pp. 105–110. In Russian.
- Maksimov S. A.** O perspektivakh sozdaniya slovarya besermyanskogo narechiya udmurtskogo yazyka (po materialam T. I. Teplyashinoi) [On the prospects for creating a dictionary of the Besermyan dialect of the Udmurt language (based on materials by T. I. Teplyashina)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Bulletin of the Udmurt University. Series History and Philology], 2020, vol. 30, issue 2, pp. 197–203. In Russian.
- Mogilin [Myshkin] M.** *Kratkoi otyatskiya grammatiki opyt = Opyt kratkoi udmurtskoi grammatiki* [Concise Votyak grammar experience = Experience of concise Udmurt grammar] / Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Izhevsk, 1998. 201 p. In Russian.
- Normanskaya Yu. V., Bezenova M. P.** O vazhnosti pervykh missionerskikh knig dlya izucheniya istorii udmurtskogo yazyka. Diskussionnaya zametka k stat'e V. V. Ponaryadova «O dvoynykh oglasovkakh udmurtskikh suf-fiksov» [On the Importance of the First Missionary Books for the Study of the History of the Udmurt Language. Discussion note on V. V. Ponaryadov's article "On the Double Vowels of Udmurt Suffixes"']. *Uralo-altaiskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies], 2018, no. 1 (28), pp. 79–89. In Russian.
- Popova E. V.** *Semeinye obychai i obryady besermyan (konets XIX–90-e gody XX vv.)* [Family customs and rites of the Besermyans (end of the 19th – 90s of the 20th centuries)]. Monograph. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1998. 241 p. In Russian.



Popova E. V. *Kalendarnye obryady besermyan* [Calendar ceremonies of Besermyan]. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004. 253 p. In Russian.

SIBes. – *Slovar' besermyanskogo dialekta udmurtskogo yazyka* [Dictionary of the Besermyan dialect of the Udmurt language]. Ed.-Comp.: A. I. Kuznetsova, N. V. Serdobolskaya, M. N. Usacheva, O. L. Biryuk, R. I. Idrisov. Moscow: TESAUROS Publ., 2013. 540 p. In Udmurt. In Russian.

SRNG – *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian dialects] / Ch. ed. F. P. Filin; Ed. F. P. Sorokoletov. Leningrad: Nauka Publ. Vol. IV: V–Voyenki, 1969. 356 p.; Vol. XIX: Mutasit'sya–Nakuchit'. 1983. 360 p. In Russian.

Sokolov S. V., Tuganaev V. V. *Biologicheskoi nimkyl'esyn kylbugor = Slovar' biologicheskikh terminov* [Dictionary of biological terms] / Gen. ed. S. V. Sokolov. Izhevsk: Udmurtia Publ., 1994. 144 p. In Russian.

Tarakanov I. V. *Udmurtsko-tyurkskie yazykovye vzaimosvyazi: Teoriya i slovar'* [Udmurt-Turkic language interrelations: Theory and the dictionary]. Izhevsk: Publishing House Udm. University Publ., 1993. 170 p. In Russian.

TatDial. – *Tatar teleneñ dialektologik syzlege = Dialektologicheskii slovar' tatarskogo yazyka* [Dialectological dictionary of the Tatar language] / Comp. N. B. Borganova, L. T. Makhmudova, Z. R. Sadykova, G. K. Yakupova. Kazan: Tat.bookpublishing house, 1969. 643 p. In Tatar.

Teplyashina T. I. *Pamyatniki udmurtskoi pis'mennosti XVIII veka. Vyp. I* [Monuments of the Udmurt writing of the 18th century. Issue I]. Moscow, 1965. 324 p. In Russian.

Teplyashina T. I. *Yazyk besermyan* [Language of the Besermyan]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 288 p. In Russian.

Fedotov M. R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka: v 2-kh t.* [Etymological Dictionary of the Chuvash Language: in 2 volumes]. Cheboksary, 1996. Vol. 1 (A–R). 470 p.; Vol. 2 (S–Ya). 509 p. In Russian.

Churakov V. V. *Pyotr Matveevich Sorokin – issledovatel' rodovoj organizacii udmurtov* [Pyotr Matveevich Sorokin – researcher of the generic organization of the Udmurts]. *Idnakar*, vol. 2 (18), 2014. Pp. 153–162. In Russian.

Churakov V. S. *Avtorstvo, datirovka i istoriya rukopisi «Kratkoi otyatskoi grammatiki opyt»* [Authorship, dating and history of the manuscript “The Experience of Brief Overview of Udmurt Grammar”]. *Ezhegodnik Finnougorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2016, vol. 10, no.3, pp. 184–196. In Russian.

Shteinfel'd N. P. *Besermyane. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Besermyans. Experience of ethnographic research]. *Kalendar' i Pamyatnaya knizhka Vyatskoi gubernii na 1895 god* [Calendar and Commemorative book of the Vyatka province for 1895]. Vyatka, 1894, pp. 220–259.

URS 1983 – *Udmurtsko-russkii slovar': Ok. 35 000 slov* [Udmurt-Russian Dictionary: Approx. 35 000 words]. Comp. A. S. Belov, V. M. Vakhrushev, N. A. Skobelev, T. I. Teplyashina; ed. V. M. Vakhrushev. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1983. 592 p. In Udmurt. In Russian.

URS 2008 *Udmurtsko-russkii slovar': Ok. 50 000 slov* [Udmurt-Russian Dictionary: Approx. 50 000 words]. Comp. T. R. Dushenkova, A. Egorov, L. M. Ivshin, and others; ed. L. E. Kirillova. Izhevsk, 2008. 925 p. In Udmurt. In Russian.

UEW – Rédei K. *Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I–III.* Budapest, 1986–1991. In German.

Wichm. – *Wotjakischer Wortschatz.* Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987. XXIII + 422 S. In Udmurt. In German. In Finnish.

Wied. – **Wiedemann F. J.** *Syrjänisch-Deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen und mit einem deutschen Register.* St. Petersburg, 1880. 692 S. In Komi. In German. In Udmurt.

Received 07.04.2022

Maksimov Sergey Anatolyevich

Candidate of Sciences (Philology), senior researcher

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences

34, ul. T. Baramzinoy, Izhevsk, 426067, Russian Federation

e-mail: makser02@yahoo.com